

Сюй Цзялу с любопытством спросила:

— Какой вопрос ты хотел задать?

— О благотворительности.

— ... — Ответ был настолько кратким, что она даже не успела подсмотреть логику решения задачи.

Как только Шао Дун ушел, Ци Иню больше не нужно было изображать энтузиазм. Он воспользовался артефактом, чтобы извлечь изо рта первый кусок мяса, который успел проглотить.

Сидевшие напротив него Ли Цзяоян и Хуан Шаньхэ замерли. Оглядевшись, они поняли, что из одиннадцати человек за столом едят только они двое.

Даже Чэнь Шу, такой же новичок, как и они, лишь накладывал еду в миску, но не съел ни крошки.

— Не... нельзя есть? — Ли Цзяоян запаниковала. Она замедлила жевание, не зная, стоит ли глотать.

— В подземельях с едой лучше быть начеку. Не факт, что всё отравлено, но если хоть раз попадется что-то не то, ты можешь погибнуть, — предупредила Се Мань, глядя на её жалкий, готовый вот-вот разрыдаться вид.

Хлоп.

Слёзы из глаз Ли Цзяоян брызнули мгновенно.

Сидевший рядом Хуан Шаньхэ в отчаянии взъерошил волосы, отчего его линия роста волос стала еще выше.

За столом никто не ел, но и никто не уходил.

Не у всех были артефакты для утоления голода, а продержаться пять дней без еды невозможно. Все ждали, проявятся ли у Ли Цзяоян и её спутника признаки аномалии, чтобы решить, стоит ли завтра садиться за стол.

В тишине столовой Шэ Хэ долго смотрела на миску с тушеной курицей.

Ей было плевать, о чем говорят эти люди. Она молча посмотрела на Ши Цзиньчжэ.

Желание поесть было передано отчетливо. Ши Цзиньчжэ, всё еще державший её за руку под столом, свободной рукой подцепил кусок курицы.

Заметив, что Шэ Хэ не собирается брать еду сама, он направил палочки с мясом прямо к её губам.

Шэ Хэ откусила, не жуя, проглотила, а затем снова посмотрела на него, давая понять, что хочет еще.

— ...

Почему она такая странная? Умеет носить человеческую одежду, но совершенно не умеет есть по-человечески.

Ши Цзиньчжэ наклонился и понизил голос:

— Пожуй хотя бы пару раз...

Стук палочек привлек внимание всех присутствующих — появился третий человек, осмелившийся поесть.

Се Мань усмехнулась:

— Какие вы нежные. Даже во время еды рук не разжимаете, еще и кормить приходится.

Ши Цзиньчжэ не стал оправдываться и отпустил её руку. Он не знал, испугает ли Шэ Хэ окружающих, но сам он точно этого не вынесет.

Эх, если бы он только не боялся змей.

В отличие от попытки Се Мань завязать разговор, выражение лица здоровяка было разочарованным.

Еще вопрос, съедобно ли это вообще. Разве не следовало сначала проверить еду на опасность, прежде чем так кормить её? Этот парень что, использует свою девушку как дегустатора?

Он-то думал, что тут царит любовь, а оказалось — обычный расходный материал для прохождения подземелья.

В мыслях и глазах Шэ Хэ сейчас была только курица. Она проглатывала кусок за куском, съела всю свою порцию, а закончив, облизнула губы, явно желая продолжения.

Се Мань спросила:

— Может, воды попьёшь?

Как она может есть, не жуя? Неужели не давится?

Даже когда она глотала, было видно, как под кожей горла выпирают крупные куски мяса вместе с костями.

Какой бы красивой она ни была, это не могло скрыть её пугающей странности.

Ли Цзяоян стало не по себе. Эта красавица с повязкой на глазах всё время смотрела на тарелку с курицей перед ней, и Ли Цзяоян поспешно пододвинула тарелку в сторону Шэ Хэ.

Но Шэ Хэ не стала есть, а вместо этого поднялась. Ши Цзиньчжэ пришлось отложить только что взятую булочку и увести её обратно наверх, в комнату.

Люди внизу переглянулись, каждый о чем-то своем.

В комнате Ши Цзиньчжэ стоял у порога, включив свет. Кровать у стены, письменный стол и шкаф в изножье — вот и вся мебель.

Он спросил Шэ Хэ:

— Ты ходила по комнате, что-нибудь нашла?

Шэ Хэ не ответила, выдернула свою руку и села на край кровати:

— Это было очень вкусно, я хочу еще.

Ши Цзиньчжэ заставил себя не смотреть на змеиный хвост под её юбкой и, напрягшись, ответил:

— То, что внизу, уже трогали другие. Если хочешь, я приготовлю тебе, когда мы выйдем из подземелья.

Он принялся мягко убеждать:

— Я многое умею. Приготовлю всё, что захочешь: вареную, запеченную в соли, на пару, суп... У меня много рецептов, и всё это будет вкуснее, чем здесь. Как только я благополучно выберусь, я обязательно тебя угощу.

Ши Цзиньчжэ не лгал. В те годы, когда психическое состояние матери было нестабильным, он научился готовить множество блюд.

Звучит удивительно, но мать действительно чувствовала себя намного лучше после того, что он готовил, так что кулинарным талантом он не был обделен.

Хотя сейчас у него не было ни гроша, он мог пока пообещать это Шэ Хэ, а там видно будет, если удастся пройти подземелье.

Шэ Хэ не любила общаться. Видя, что она молчит и не отказывается, Ши Цзиньчжэ понял, что договориться можно.

Ему не нужно было её обещание защищать его — обещания легко нарушить, он лишь проверял её отношение.

— Я пойду осмотрю дом. Ты останешься здесь или пойдешь со мной?

Шэ Хэ промолчала.

Ши Цзиньчжэ ожидал такой реакции, поэтому не стал настаивать. Стоя у двери, он напоследок сказал:

— Что-то случится — зови меня.

Дверь закрылась. Он внимательно осмотрел коридор второго этажа: на плитке в углу остались следы краски, больше ничего примечательного.

Спустившись на первый этаж, он обнаружил, что мебели здесь немного — лишь пара шкафов. Ши Цзиньчжэ проверил каждый, но внутри были только пустые пластиковые пакеты.

Кухня находилась не в доме, а во дворе. Он вошел внутрь — свет там не работал, пришлось полагаться на тусклое освещение из дома, чтобы разглядеть хоть что-то у входа.

Обычная сельская кухня: глиняная печь, большой чугунный котел. Он присел на корточки: в глубине печи лежали два обгоревших уголька.

Ши Цзиньчжэ протянул руку и достал их. Угольки были небольшие, а внутри печи виднелись следы метлы — видимо, остальное вычистили, а эти куски пропустили.

На горе поднялся ветер, деревянная дверь кухни заскрипела.

Свет, пробивающийся из дверного проема, отбрасывал длинные тени. Ночной воздух, пропитанный влагой, лип к коже, вызывая неприятное ощущение.

Позади него послышалось скрежетание, будто кто-то грыз дерево зубами.

Ши Цзиньчжэ подумал, что ему показалось. Он затаил дыхание, убедился, что звук продолжается, и медленно обернулся к углу.

То место, откуда доносился звук, тонуло во мраке. Казалось, что-то смотрит на него оттуда, а хруст продолжался.

Он медленно отступил к выходу, размышляя, не замешаны ли в этом подземелье паранормальные явления.

Во дворе слышались шаги, и луч света разрезал тьму кухни.

Ши Цзиньчжэ обернулся: это были Хуан Шаньхэ, Чэнь Шу и Ци Инь. Втроем они осветили кухню фонариком.

У дальней стены лежало несколько черных пакетов, прижатых кирпичами. В стене было узкое окно, через которое задувал ветер, заставляя пакеты шуршать.

При свете фонаря он разглядел на деревянных опорах окна следы повреждений — совсем не похожие на те, что оставляет время или непогода.

Ци Инь кивнул ему:

— Что-нибудь нашел?

Спрашивая, он водил фонариком по потолку, а Чэнь Шу неотступно следовал за ним, помогая искать улики.

Ши Цзиньчжэ покачал головой:

— Всё чисто, ничего нет.

Хуан Шаньхэ присел рядом, подобрал те два уголька и, пытаясь скрыть торжествующую улыбку, прикрыл рот рукой.

Вероятно, он думал, что в темноте никто не заметит, как он украдкой сунул угольки в карман, а затем, как ни в чем не бывало, встал и продолжил следовать за Ци Инем.

Ши Цзиньчжэ, смотревший на него сверху вниз, отчетливо видел радость на лице Хуан Шаньхэ.

Он многозначительно посмотрел на него: значит, эти угольки — артефакты...

Игра действительно не оставляет читерам шанса: даже если взять артефакт в руки, без подсказки активировать его невозможно.

<http://bllate.org/book/20632/2063049>